

Павел Лукьянов
Turistia

Павел Лукьянов

Turistia

Москва
«Воймега»
2016

УДК 821.161.1-1 Лукьянов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Л84

Художник серии: Сергей Труханов

П. Лукьянов

Л84 Turistia. — М.: Воймега, 2016. — 64 с.

ISBN 978-5-7640-0186-9

В оформлении обложки использованы работы Мартина Бигума
«Vision» и «Vision&Fact» (2005, частная коллекция, Дания).

*Автор выражает благодарность всем поддержавшим книгу «TURISTIA»
на сайте planeta.ru.*

*Особая признательность Кузьме Вострикову, Николаю Гранику
и Владимиру Кудинову.*

© П. Лукьянов, текст, 2016

© С. Труханов, оформление, 2016

© М. Bigum, 2005

© «Воймега», 2016

Мы мало знаем друг друга,
в этом проблема.

Николай Граник

Я узнал, что у меня
Есть ...я ...я...

Николай Курилов

(пер. с якугирского М. Яснова)

* * *

надежда ты, надежда, занесена, подснежна,
глядят пустые вежды, и ветер черпаком
кидает километры, ни продыха, ни где ты,
земля вползает в лето. по ком жужжат, по ком?
разменивая будни, мелькаемы безлюдны,
косые скулы студня, *a* в слове *молоко*,
цепляться память стала, устала, замолчала,
мычит во тьме мочало, а слово далеко.
забрезжить — значит выжить, сидит под сенью рыжик,
съезжает снег по крыше, меж пальцев решето.
за продыхом и охом лежит не то что плохо,
в открытой точке вздоха протянутое *о-о*.
не выбраться с равнины, с оторванности, с льдины,
осунувшись, мужчины глядят во тьму, глядят:
качается равнина, отворена пучина,
дом, дерево и сына котятами летят.
открытка за открыткой, улитка за улиткой,
я — человек-попытка, а как тебя зовут?
меня зовут копытка, наутро не стучит-ка,
но вечером — калитка, где, чудится, нас ждут.

* * *

пусть ветер воеет, как собака,
пусть ветер рыщет, как лиса,
на каждый борщ на полустанке
есть кровавая колбаса.
заткнись и пой, возьми повыше,
не всё то золото и зло:
и в захудалом человеке
есть худо-бедно ремесло.
лежи и бди, не жди возмездья,
завёрнут в шубу и судьбу:
и пёс в углу, и в чаше пестик
нам намекают на борьбу.
кого-то нет, вдруг кто-то вышел,
все потянулись разом вон:
на угасающее небо глядеть
и запрудить балкон.

КОПИЯ ЖИТИЯ

горячее око витрин,
навязчивый привкус рутин,
любой центральной господин
порублен на части седин.
— а раньше мы были не те, —
блины говорили плите.
— кто в очередь крайний к мечте?
— вон, бабушка, крайние те.
я мысленно двинусь к окну,
и зиму сквозь раму вдохну,
и, ветра впуская волну,
стекло на мороз распахну.
сырой от слезы коллектив
чертовски смешон и красив,
попробуй остаться учтив,
когда человек супротив.
из снежного леса стволы
торчат, как вокруг бога колы:
он загнан, теряет штаны,
и запах стоит тишины,
и ветра недвижна рука,
и тень человечна сурка,
и лес, насосав молока,
в предчувствии жив тесака.
однажды себя поутру
я слабой рукой оботру
и, мокрым усевшись к костру,
нащупаю буквы во рту:
на месте твоём и моём
могло быть и детство и дом,

но жизнь с перекошенным ртом
других нарекает жильцом.
в границах земного стола
пылятся чудные дела,
душа твоя всё проспала,
и дети твои как зола.
не хочешь смотреть? так смотри:
вот, плавность, твои корабли,
вот, вечность, твои пустыри,
вот, память, твои звонари.

* * *

здесь на неправильной дорожке
следы неправильных людей,
здесь каждый пёс надежду гложет
в толпе воспитанных идей.
здесь человек на горизонте
и одинок, и массовит,
то слово выкинет, всесилен,
то нос повесивши сидит.
то хруст, то мякоть на разломе,
то лёд, то оттепель лица,
то ощущение награды,
то без просвета и конца.
и я тут есть, мёд, пиво вижу,
в сенях на полке — холодец,
а человеческие лыжи
непостижимы, как свинец.

* * *

за кодировкой данного лица прочти уклончив голос шельмеца,
мы на зимовке красного словца начнём и кончим лучшего певца.
на горизонте обитает день, через плечо заглядывает тень,
всемирно обитаемая лень неизмеримо крепка, как кремь.
навряд ли мы похожи на народ, немногим себе нравиться везёт,
узнаешь если правду наперёд, вовеки не откроешь этот рот.
смелее только белка в колесе, удачливее белка на сосне,
ценнее только шуба на лисе, лицо твоё распахнуто во сне.
надежда начинается на *на*, собака охраняет своё *ба*,
татьяна прихорашивает *та*, и тело расширяется до *ла*.
вживую и вплотную к колесу, вода, тебе я воду принесу,
и живности, распрыгавшись ко сну, наверняка покажут

всю весну.

немые обнимаются мыча, живые кувыркаются журча,
светила начинаются с луча, и девочка проснётся лепеча.
за самым поворотом у воды подступят к горлу старые пруды,
и старость, забывая про следы, уткнётся в состояние беды.
отныне только то произойдёт, что получило смертности завод,
истории растоптан этой крот, хорош был день, а мог быть

целый год.

не глядя на чужое ремесло, не веря, что и здесь не пронесло,
грядёт толпы бескрайнее число, чтоб угодить под кол и колесо.
сквозь пустоту оврагов и людей, вне утвари, уделов и идей,
глядят глаза непленной чистоты, гляди, куда они посмотрят, ты.

единственное плавание

какое небо нас встречает!
какие блики на местах!
белеет парус между прочих,
мы вышли в море: штиль и крах.
стоять, качаться на просторе,
кормить акулу босиком,
ловить скалярий в радиоле
и отвечать им на родном.
то, кем ты был, сминает время,
прошли года, пройдут века,
на месте моря станет лужа
и кальций в сердце рыбака.
пустая злость, найдя приюта
в душе измученной моей,
свистать наверх! горит каюта,
ища под койками людей.
куда идти? откуда дует?
куда ни глянь, куда ни кинь:
езде глаза торчат из тины
и шепчут бережно: остынь!
стучит по пню русак ретивый,
и отвечает пень: *уу-уу!*
перелетают небо птицы,
и машет веточка во рту.
жуком потраченное время
бесшумно опадёт в овраг,
и новый бес на косогоре
в ответ поцокает вот так:

Ц-Ц.

no name — no pain

юре милуеву

каждого лета остатень
ладен, безлюд, неоплатен.

скатерть лежит на полу,
ту покрывая дыру.

вроде бы движется газ,
вроде бы радует глаз
каждый непробитый час,
связи проверка: раз, раз!

ах ты, незванного гость,
ну же, давай! холокость!

смерть написала статью:
«выкушал батя бадью».

тише, красавица, вой,
бог с тобой! бог же — с тобой.

смотрит паук из угла:
гол! новый год! все дела!

mark as unread свою жизнь,
полный log out, кажись.

всё, что увидим в конце,
мы отразим на лице.

16 сентября 2013

* * *

— как будто был и снова буду, —
так говорила мне листва,
в единстве мысли и бездействия
сосредоточенность мертва.
но не мертва, хотя завяла,
хотя утратила черты,
провинциал с провинциалкой
ню-йорк увидят с высоты,
и обомрёт, и обомлеет,
и перекосит рот её
рассредоточенность природы,
многоугольный крах её.
в насквозь простроченной рубашке,
в недоотчалившей мечте
фигуры стынут на картине
на безымянной широте.
в лесу бывает так: внезапно
умолкнет даль, набухнет гром,
туристы сдвинутся под зонтик
и обретут покой и дом.

но это не про нас: на срезе наших улиц
молекулы судьбы ведут полураспад,
и можно навсегда, и можно не заметить,
как парные глаза не образуют взгляд.

* * *

есть способ масс,
есть способ масла,
есть способ мыслить на лице,
внутри простого человека
есть половина человека —
и половина есть в конце.
ходи и жди,
грядут столетья,
слетятся вóроны с дубов,
собаки сгрудятся, сплотятся
над человечино́й веков.
живая движительность улья,
пчела на атомных стержнях
сейчас гудит, а завтра стынет,
и глохнет топливо в печах.
в крапиве дней,
в осоке действий,
перекалечен и не юн,
за нашумевшею рекою
ты сохранил себя, шалун.
ты вынул золото из глины,
трясину дней перехлебав,
и вместо чёрного заката
ты заслужил иных забав.

на кристаллические лужи
глазами серыми гляжу
и по остывшему пространству
о личной участи сужу.

юрец-холодец

юре милуеву

юре михайличенко

да, были юры в наше время
корявым увальнем поленя,
они лежали на печи
и прогревали толщ но́чи.
но под навесом брови хмурой
его двойник внутри ходил
и сквозь растерянные будни
глазами страшными бурлил.
клубы и дни раскрытых окон,
пожара красное число
расчертит заново народы,
и смолкнет жизни торжество.
в так называемой столице,
так называемых центра́х
провинциальные бойницы
встречают барина в сердцах
и бьют улыбкою под вымя,
а с виду мягкости полны,
очаровательные страны
ополовиненной страны.
здесь юра жил как почивальник,
протёртых задниц господин,
столов господских бутерброды
лелея мысленно один.
ходил, и бдил, и полнил время,
заполнял штанами свет,
несостоятельное племя
жуёт друг друга на обед.

всё пионерское страданье
и октябратское житьё
снесло дорогу мироздания,
подтасовало бытие.
он так хотел остаться юрой
и вызнать правила страны,
но, по плечу похлопав дверью,
его, обняв со стороны,
внесли в чужое измеренье,
где каждый молодец устал,
и неживая лотерея,
и аз воздам — и не воздал.
чего ты смотришь, боже правый?
какой ты правый? левый ты!
отговорила роща, тлея,
ковром закатанной мечты.

в тот первый день, когда лежала
земля сырая на сносях,
и мысль сквозь вакуум мычала,
и восставал из глины прах,
огромный, общий, как константа,
планет единый господин
стоял и делал рыб, деревья,
уже копился едкий дым:
он шёл от каждого ущелья,
от тех простейших и людей,
от плазмы клеток к плазме солнца,
сквозь пуповинность всех смертей.
ничто вовек не избежало
побег от личности в ничто,
последний камень слово просит,
и кто ему ответит что?

так топором какого века
разрублен каждый человек,
да, были юры в наше время
красивой копией калек.
в труду, в поту, лицом — в работе,
ногами — в женской суете,
руками — в солнечном капоте,
самоотверженно — в еде!

16 сентября 2014

В. А. М.

владимиру, андрею, марине

да здравствует обугленность всех нас! всех нас! всех нас!
встречаемся, встречаемся в какой бессменный раз.
за праздником, за праздником невидимо людей,
друг другу мы являемся, как чучела друзей:
я помню нос антоновский, склонившийся в дровах,
но это не считается особенностью, ах!
где женщины слипаются в гудящий колобок,
где всякая торжественность отправлена в торжок,
где чёрный кот на привязи уселся и лежит,
и я там был, и в памяти рассказ об этом спит.
пока дымится прошлое над утренним борщом,
мы каждого дрожащего по имени зовём:
выходит вова старенький, андрей кричит в углу:
— марина, дай печенье мне, я больше не могу! —
марина плохо выспалась и просит молока,
и коля прётся по двору за пенсией слегка.
володя выполз из дому до пруда и попил,
андрей такой стремительности другу не простил
и влез на дверь и ключ тугой губами провернул,
а вова слушал, ползая, соседа стройки гул.
— бояться — значит прятаться, — он в памяти наскрёб
и тело своё выкинул в чернеющий сугроб,
и соль крупы леднеющей покрыла шар глазной,
володя видел домиков людей секрет и свой:
насквозь торчала изморозь, из неба шёл апрель,
марина изготовилась, и ей приснилась ель:
в остаточном беспамятстве роилась чья-то мысль,
марина её помнила, не помнила, кажись.
ей небо сквозь игольное сосновое ушко
шептало в ухо старое последнее стишко.

постиранная дочиста, марина уплыла,
и коля видел кислую корову молока.
в чужом чулане замерший лежал андрей пустой,
наполненный сознанием и тяжелой добротой.
щека его глазастая смотрела в объектив,
аналитично вычислив, что кто-то в мире жив.
дровами обложившийся, упрямый лысый дед
андрей ворочал спичками, ворчащими в ответ.
и залп огня стремительно его перевернул,
и огненное качество андрей в себе проснул.
но поздно, бабка, тешиться сознанием души:
коль знаешь, где болезненно, — хотя бы не чеши.
наш дом стоит охваченный, чернея сквозь огонь,
темнеет кадр стремительно, но титров ты не тронь.
лежит в морщине колиной собачье лицо,
и интернет мучительно вертит своё кинцо,
за ералашем будничным стоят одни гробы,
и между ними гришенька уж потоптал грибы.
марина, здравствуй, девочка! андрей, привет, братан!
в земле соединяются рабочие всех стран,
володя загорается идеею своей:
словарными запасами закармливать людей.
володя, стань опричником! марина, отомри!
андрей шевелит лапками, которые внутри.
— христос раскисе! — крикнете. — воистину раскис!
с размноженного дерева иуда смотрит вниз.
земля лежит безвидная опять, как в первый день,
смотреть не то что некому, а всем кому не лень.
наш дом, как чай раскрошенный, кипящий под дождём:
андрей, марина с воюю зажарены втроём.
меж дыр сырого прошлого проходит человек,
какое-то хорошее мерещится вовек,
в расцвете сил вселенная подавится луной,
и океан рассохнется и атом нежилой.

андрей уходит под воду, прямой, как паралич,
по форме жизни прожитой отлит его кирпич.
марина шьёт приданое и смотрит в зеркала:
она звалась татьяною, но стать уже не та.
vladimir с погружённостью в чужое ремесло
себя считает женщиной, помноженной на зло.
ненужное накопится, ушат помой горяч,
воспоминанье лечится иглой, как всякий мяч,
и дискурс человеческий раздут, как бутерброд,
усталый путник пробует, да всё не запихнёт.
где вместо человеческих начальных дисциплин
какая-то стремительность, пустой, как тарантин,
не будущность, а блёклое подобие стола,
и длится чаепитие, густое, как смола.
невидимость, не видная нам, видимо, затем,
чтоб вовой и Мариною покрылась копать стен.
да здоровствует червячная коробка передач,
в которую положена остаточность удач!
и всё, что было лишнее, и всё, что было лишь,
вплывёт на суд истории — храбрец и кибальчиш.
ты кто? андрей андреевич андреевский мужик!
ты был большой скотиною — тебя в награду *вэжжик!*
как звать? марин Маринычем, марина для своих,
какая же ты милая, дадим тебе под дых.
а ты? володя, вовочка, вовеки — тоже я,
тебе присудим вечное обличие — свинья.
да здоровствует здоровая циничная семья
и дом, снегами брошенный в помойку бытия!
закрыв глаза на проблески, с открытым настежь ртом,
в координатах прошлого ржавеет наш вагон.
не будучи умельцами устойчивых копыт,
лети, моя мелодия, звучи, как антрацит!
и весело, и всяя тут, и целое село,
и трое на завалинке, тупые, как сверло.

отныне только хворостом растапливаем дух,
андрей марину трогает, ведь он теперь лопух.
марина — пылью ставшая, летает по земле,
а вова стал машиною с бензином на нуле.

15, 17, 19 апреля 2014

продолжается прогулка

*как-то внезапно, вне плана:
— мама! — воскликнула мама.*

страшно идеалисту в мире врачей и юристов,
с ходу, с размаху, сплеча речь через край горяча.
выучи мимику лиц, чти неприступность границ,
мысли свои нечисты прячь, если честно, в кусты.

выправкой пренебрегай, сахар в лицо добавляй,
мягко виляя хвостом, бабою будь, мужиком.
выстрели и залечи, плюнь и заплачь, растопчи
и собери по частям и разойдись по рукам.

чем веселее ухмыл, чем горячее посыл,
тем многолетней трава и монолитней дома.
выучи данности слов, годен не значит готов?
чопорен дли разговор, всё ли запомнил, учёл?

есть аксиома страны, есть разновидность чумы,
есть пустота: алфавит словом, как трупом, забит.
между щелей виден свет, не обнаружь свой ответ,
память — что твой пластилин: сделаем торт именин,

сладкую розу взобьём, в воспоминанье взойдём:
дом, где мы раньше живём, топится бывшим углём,
он прогорел и погас, прошлого кончился газ,
топливо новых людей много компактней, ей-ей.

вот моих глаз миллион — вена, мадрид и лион,
знание растёт как червяк, радостно пущенный в злак.
вечной пшеницы зерно — зелено, золото, зло,
по ниспадающей мсти, жизнь, уместившись в горсти.

ну, раскрывай свою пядь, хочешь не хочешь, а глядь,
как неразменная медь может в темнице терпеть
и, воскрешаясь, смотреть, снова уча тебя петь
и повторять по слогам: мама, я снова болван!

— ах ты, любимый жучок, что же ты раньше молчок?
я уже ждать не ждала, чтобы окутала мгла
все отправные дела, я ведь уже уплыла,
глядя из печки в избу, через огонь на судьбу.

* * *

и вдруг теряешь своё качество, и исчезают семь отличий,
есть буква жи, есть фаза жижи, есть жизнь на камушке приличий.
стоял как собранное дерево, осел и грянул древесиною,
землится тварь, как было велено, скотина смотрит за скотиною.
необретённое значение, намёк, погрязший в перспективе:
хотел иметь покрепче мнение, да все слова в декоративе.
за неприглядной формой господя, за духом дюже политичным
мечтаю вытереться досуха и перейти на древнептичий.
безосновательность стремительно захватит личную особенность,
над горизонтом укоснительным встаёт упущенность, возможенность.

* * *

большое небо продвигалось
незамечаемо заметно,
на сердце танки грохотали,
сливая синий с красным цветом.
ты шёл, разбрасывая тени,
пылил дорогой человечьей,
а лето щёлкало старушек
на тупиковой и конечной.
на шлейф ушедшего посмотрим,
под хвост грядущего заглянем,
дарённый конь губами водит:
— союз не рушь! — взглотнём и грянем.
по главной улице к погосту
везут живое поколение,
такой огромный муравейник
на солнцепёке размовленья.
а дальше — всё: безгласый космос
нас закатает в вечный вакуум,
кричит на сердце агитатор,
а всё могло ведь быть серьёзно.

deus ex мякина

жизнь одна, а впрочем — две:
хвост у червя в голове.
вертолёт, облёт делов:
бога нет, а был таков.
я машу на небеса:
веет ласточка, гроза,
трубку курит господин,
напуская властный дым.
плачут матери детей
в оцеплении идей,
и господствует скелет,
в мясо белое одет.
больно душен этот рай,
косу, Каменев, встречай.
дело, видимо, закат:
basta! limit! яма, брат!
время выгнулось в тисках,
на полатах, в сундуках,
входит сердце в интернет,
ищет выхода, совет,
ведь бывают исключе
из печали и т. ч.
ведь я, помнится, дитё,
утро осени, жнивье,
паутина на лету...
мне бы ту, всего лишь ту
отбежавшую версту,
где коровий каравай
под ногами не зевай,

где года и ягода,
где гадюка и вода
утекающим хвостом
вечно помнится потом...
отпадать так отпадать!
поживём как люди, мать!
продаётся память вся —
покупайте порося,
забирайте чепуху,
засыпайте лавр в уху.
жизнь похожа на патрон:
гильза, порох, пуля — вон,
и в дымящийся цилиндр
заново заглянет киндер:
аусвайс, моя твоя,
yes, i know бытия.
на коленях, на коле,
на дровнях, на дворе.
где же ты, иисус-мисюсь?
вечный космос... вечный плюс...

МИНУС ОДИН

мир досконально изъят:
колбы пустые стоят,
кони толпятся в кино:
втоптано, разрешено.
длится и вторится глас:
сдайся, быть может, воздаст,
через леса и моря —
чья это песенка, чья?
выпадет из носу снег,
вот и велик человек,
встретишь себя у зеркал
и устроишься лекал.
разве игла не болит?
разве костёр встал и спит?
швейная фабрика бед
машет из окон: привет!
глянь, как улыбка во рту
мечет кривую икру.
в поле раздался звонок,
пафос мой что-то умолк,
поезд отходит к отцам,
с горем спина пополам,
разве таких величин
раньше я был господин?
пусть аппетит из пустот
сонную жидкость сосёт —
через порог упаду,
вынырну в чёрном пруду:

ходят вокруг плавунцы,
трогают пальцев концы,
даже последний испуг
анализируешь, друг.
хочешь сказать слово, а?
ну-ка... — а-а-а... а-а, —
тужишься, ветви скрипят,
выспались мальчики, спят,
из пятилетних гробов
пахнет упущенный плов.
роется память в пыли,
поздно: юли не юли —
не избежать этих рук,
движущих воздух вокруг.
пусть недостоин надежд,
гаснущий разум потешь:
пусть погуляет в лесу,
высверлив слёзы в носу.

* * *

столы стоят, качели гнутся,
снег горизонту не чета,
в лёд ледяные карпы бьются,
по курсу — праздник, господа!
сквозь лиц броню, сквозь лёд столетья
ты пророни свою мечту,
скрипит под снегом половица,
был человек, теперь — ту-ту.
стоять на пристани сомнений,
в холодный омут погружать,
фотографировать навскидку
и на страницу отправлять,
и представлять себя былинным
богатырём во славе лиц,
и потом девичьим покрыться
от пересортицы столиц.
— нет, — говорить, — подумать только! —
лицу мечтание придать
и на ничейном фоне леса
обворожительно зиять.
ты жив, как камень на распутье:
лежит и вроде не жужжит.
нет! даже мухи, черви, птицы —
всяк свой державный держит вид:
— посторонись! лечу в деревню,
смотреть вонючего быка!
— поберегись! ползу в навозы!
— смотри, какие облака! —
сними себя на фоне жизни,
взберись на сосен пьедестал,

отлейся в бронзе, солнце низко,
здесь — каждый молод, тут же стар.
звезда моя, тебя снимая,
я так хочу убраться свой взгляд,
чтобы, сама себе мерцая,
была видна ты всем подряд:
собаке с выбитою лапою,
машине, спятившей в кювет,
старухе, ждущей на балконе,
непогасаемости свет.
земля пуста, как пуст твой голос,
твой мозг и шапочка волос,
сфотографируемся вместе
под напряженьем дальних звёзд.
я всё люблю в начале мая,
когда зима стучит по льду
и рыба, дни до дна считая,
плетётся рысью мысль в аду.
за все насмешки над народом,
за всю чухню и чехарду,
не знаю где, не помню буду,
что там, за адом? дай пройду!
сниму ботинки, снимок пекла
висит вконтакте на стене.
чертей я знаю: маши, пети,
вы ждали нас давно к себе.

моя былая перспектива
перевернулась на бочок,
и дети, видимо, в ответе
за то, что взрослые — молчок.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

котик в поле *мыр-мыр-мыр*,
жизнь похожа на мортир,
сам себе ты командир,
расстрелял последний сыр.
капитана корабля
укачала вокруг земля,
опустилась до нуля
стрелка топлива моя.
берегись, рабочий люд,
мухи деву стерегут
по прозванию very good,
отмотай-ка мне минут.
через пруд, через камыш
далеко не улетишь,
комара догонит стриж,
не захочешь, а проспишь.
дело движется в трубу,
катит девица губу,
прокляни свою судьбу,
покатайся на горбу.
запиши себя к врачу:
жить по-моему хочу,
потрепали по плечу,
ты не плачешь, я плачú!
а на днях я начал петь,
со двора кричали: геть,
только пряник, только плеть,
чередую дотерпеть.

двухколёсная луна,
параллельная сосна,
крестовидная война,
окновидная она.
в этой сказке нет конца,
в этой чаще нет лица,
сходит девица с крыльца,
на устах её пыльца.
ты встречай меня, встречай,
усади за хлеб и чай,
а когда наступит край,
со стола меня съедай.
солнце в небе *кру-кру-кру*
мечет синюю икру,
по реке плывёт река,
непристойно широка.
человеческий костёр
по степям разносит ор,
небо выбросило звёзд,
я хватаю, я же пёс.
человек не так хорош,
как хороший текст иль ёж.
может, плох наш конструктив
идеалов супротив?
может, шесть равно шести?
может, пусть равно пусти?
хочешь — руки опусти,
хочешь — спрячься весь в шерсти:
всё равно найдут в пути
и отпустят до десяти.
что-то, видимо, дано,
но сомненье вносит *но*.

из-за речек, из-за гор
показал мужик (сапёр),
но не просто показал —
над рекою полетал.
в этой лучшей из планет
хуже текста лучше нет.
ты прочти меня назад,
может, грех тебе простят.

конец истории

обретая неподлинность, живу и вижу,
как зеркало улыбается, как я пострижен.
растерялся, да так, что теперь не найду:
по горло в порохе, по сердце в долгу.
разламываются прошлого понятия прочные:
раньше — сплошь срубы, теперь — пеноблочные.
колени скрипят, крыши над нами шевелятся,
умный не молится — умный бреется.
простить, всех простить, понести неудобства —
не оставить себе ни похлёбки, ни первородства.
сойти с набитой дороги, ноги вытереть, губы:
новый асфальт, новые речи, светлые трубы.
что запомнил, что вынес ты с длинной дороги в лесу?
начинается дождь, тишина приглашает в грозу,
поколение ёлей столетних роняет елэй,
на уставшее тело сквозь ветви глядит водолей.
горизонты полны замирающей мощи зарниц,
мы стремимся к реке, чтоб умыться из собственных лиц.

веще

красково

когда пространство скажет: хватит! —
и сплюнет времени кусок,
мы перемоем все тарелки
и включим в дело голосок.

трава растёт. а что ей делать?
дрова — и те чего-то ждут!
жизнь надевает балаклавы
на лица маленьких минут,

и ничего не происходит:
как на игле, на волоске
сидим, висим, лишь брага бродит,
и поезд движется к реке,

и за стеклом его состава
нет мыслей, максим, перспектив,
прощай, немытая Россия,
привет, хардкор и позитив!

взорвётся смертница от счастья,
исполнят ангелы мечты,
под рокотание снаряда
мы будем есть свои торты.

копейка-жизнь валяет ваньку,
а ванька гнётся и молчит,
и на подробное пространство
чужой косится аппетит.

вставай, проклятьем закалённый,
мы перепутали судьбу,
там, где старик скрипит зубами,
ребёнок выкатит губу.

в краю весны и лотереи
живёт принцесса на бобах,
и ничего не напугает
лицо, в котором только страх.

аврора приговора

*все хотят однозначных позиций
в откровенном дыму юрисдикций.*

маленькое нужно, маленькое:
пятого размера валенки,
третьего напёрстка горсточка,
косточка размером с косточку.
старики лежат жуют бороды,
лица по краям сколоты,
утро говорит с деревом:
даже в семени нельзя быть уверенным.
горизонта слепое темечко,
это, девочка, не плачь, это — времечко,
это падает давление вечности,
выдувая воробьёв из скворечности,
и летят они в столицу клянчиться,
шелухою под ногой значиться,
но под маской воробья серого
ходит ворон в половине первого.
жизнь не знает лепоты и мерзости:
отражение в речной трезвости
наполняет чудаков знанием
и безоблачно честным чаяньем.
кто придёт к нам с мечом иль мячиком —
будет пончиком согрет и калачиком,
будет в сахаре искупан, в варении
и в общественном воспет мнении.

* * *

за морозящим стеклом этажа фабрик клубится и тает маржа.
выход один изберёт секретарь — в голос вздохнуть и

уоставиться вдаль:

небо темнело, всходили огни, город ходил и почёсывал пни.
пьяный мужик патриарха достал и на снегу президенту писал,
снег оседал, проступали слова бездоказательно из-под пера:
я — человек, растревожен мой глас, мысли неровны, неровен мой час,
вне ободряющих ширм бытия в небо глядится кручина моя.
что мне бояться, когда как сокол? в тьму перспективы

мой поезд ушёл,

жизнь, не сгибаясь, летит с высоты, глянь на меня: это — разве не ты?
тело твоё тепловато на вкус, разумом полон, желанием пуст,
глухо сомненье придавит в углу, небо — в овчинку, овчинка —

сквозь мглу.

вырвется слово, поднимется крик: вроде родился и тут же привык,
зёрна на камне, земля не родит, мир обессмерчен во гробе сидит,
жизнь, завывая, кружит пред тобой, звёздам про нравственность

песню пропой.

белое тесто опавших полей, всадник окликнет бегущих людей,
лица как цапли утянутся вниз: — праздник так праздник, сюрприз
так сюрприз! — молча осядет чужак человек, а на него

продолжается снег.

* * *

кто выл? где вол? жизнь пестротечна и недостаточно точна,
хлеб, высунь носик на крылечко, смерть наклонилась, как сосна.
в углу избы в угле чумазый, зажатый богом пианист,
на пол ложась, гвоздём играет воспоминаний белый лист.
непозволительная роскошь, вставные зубы бытия,
ты мне прошамкай на прощанье: была со всеми я твоя! —
всё хорошо, всё хорошеет, всё прихорошено до дыр,
и в эти дыры пролезает какой-то нехороший мир.
где мёд, жужжание без цели, перепорхающие дни?
где дыни, бани, тени, тайны, однажды бог и трижды три?
чем дальше в лес, тем ярче память, болото дышит под ногой,
ориентироваться поздно, жизнь началась — ложись и пой.

* * *

не познать узнаваемость сложенных по двое тел:
то ли смерть офицерит, штыком промеряя предел,
то ли дерево сгнило и рухнуло в кашу болот,
то ли лето построит, а осень опять разберёт,
то ли жизнь замолкает, как гнус на закате страны,
то ли радость роится, то ли горе срывает краны.
не увидеть себя с отрицательно дивных сторон,
не нащупать исходник, не вычислить общий урон.
на одну из ворон, приносящих небла́гую весть,
залезая, скрипеть и смывать краснощёкую спесь,
и уйти под углом в ледяную отдушину льда,
и унять невезенье, и порезаться гранью добра,
и бобра еле тёплого в груди земли и ветвей
увидать и оклинуть по имени данности сей.

прощение

я по-собачьи выйду из толпы
и перейду на сторону, где ты,
листая шерсть до вшей и теплоты,
лежишь и освещаешь те кусты.
перед нами пограничники идут,
спасибо, боже, им за этот труд,
стволы сквозь руки медленно растут
и удлиняют тени от минут.
мы помним одинаковые дни,
как будто продолжаютя они,
как будто продолжаютя они
одни. и дни и мы одни и дни.
прижми ко мне остывшие листья,
я нанесу текущие черты,
отложенное знание беды,
накапливает тень свои сады.
тела поют, переживая дрожь,
лечебные ты песенки поёшь,
навек вложен в память этот нож,
зовёшь меня? я сам себя зовёшь!
когда-нибудь ты станешь далека,
сама собой раскроется рука
и в тексте, покосившемся слегка,
я разгляжу детали маяка:
железное мерцалище вещей,
свисалище орехов, желудей,
судилище прощающих зверей
и молчище распавшихся людей.

ДЖАНХОТ

я всемогущ, как усталость,
город спрятался в кусты,
где-то там, на горизонте,
в океан уходишь ты.
кто ты? солнце? или ветер?
или просто человек?
уготованный к прополке
стебель, тянущий свой век?
а сверху горят глазницы,
сердце лезет на рожон,
вкруг него толкуются птицы
и уносят сердце вон,
и в кругу чужих забвений
день-день-день тебя зовут,
и пустая половина
выпадает из минут.
наконец-то ты обрящешь
всё, что нужно не тебе,
а и б сидели тихо,
чтоб остаться на трубе.
человеческая память
слабым голосом зовёт,
и на тень свою слетает
шестикрылый самолёт.
с первым утренним отрядом
тело выдвинется в путь,
и потомок ужаснётся,
и не сможет не заснуть,

и увидит жизнь с начала,
как очищенный от бед
лес опустит свои ноги
в океана синий цвет,
и кричат велосипеды,
отвечая мне звонком,
уплывающая память
сердце трогает хвостом.
выйди, выйди, — заклинаю,
весь я вложен в этот крик,
широко твоё молчанье,
море, памятник, старик.

после прятков

красота, разложение красот,
колесо, уходящее в землю,
я вступаю в свечение пустот
и себя от земли не отъемлю.
голова непролазная ширь,
глины глубь и приглушенный холод,
замедляет движение мотыль,
и зима опускает свой молот
на безлюдную плоскость воды,
прижимая творенье к исподу,
холода наступают, и льды
отрезают пути кислороду.
и, мгновенно теряя расклад,
кристаллическим гелием хладным
промерзая, отправлюсь назад
к газооблачным илистым гадам,
в глубь молчанья начал уходя,
погружаясь в обратный порядок,
головою по стенкам скребя
в направление пространственных складок.
что же там, за последним углом?
чей теряется облик в трясине?
хочешь — ешь, человек, хочешь — пой,
всё одно остаётся в помине.
не поймаешь себя, не поймёшь
после долгих процессов распада.
может, там тоже падает дождь...
я бы мог рассказать, а не надо.

рама рыла маму

мир набит пустотой и соломой,
в этом мире я — нолик, в этом смысле я — дома.
наполняя собой переполненность мира,
я, наверно, живу, я — уверенно мимо.
пронося мимо рта погребальную чашу,
каждый день пронося, тем страшнее, чем старше.
появляется слух, шевелятся зарницы,
и колеблется речь и пшеничные спицы.
если жить, то — зачем? если петь, то — о боге,
о себе, старине, о воздушной тревоге.
надвигается ночь, сокращаются губы,
звёзды смотрят на пруд сквозь воздушные трубы.
вы прощайте, мои загорелые звери:
лебедь, рака и щук растопырили двери.
начинается ночь, обрываются связи,
погружается князь мира этого в грязи.
в этой связи земной между бегом и богом
помещается вся человечья тревога.
кто идёт, коренаст, в колыбельность могилы,
тот имеет слова несдвигаемой силы.
вы простите меня, все, кто это читает,
я хотел бы сказать, но меня не хватает.
неотёсанность дней, всполох древней пещеры,
из холодной горы перебравшись в вольеры:
ледяные слоны, жиропалые веди —
из погасших веков что-то древнее едет.
надвигается ночь, появляются дети,
мир на заднем дворе через щёлочку светит.
пустота к пустоте, электрон к электрону,
обезьяна пришла и надела корону.

проведённая жизнь за тарелкой сомнений,
всё одно к одному не имеет значений.
налегке своих дней, в череде отрицаний,
иногда — никогда, иногда — месяцами.
сквозь дырявый кирпич, образующий стену,
я увижу реки голубеющей вены,
голубей на ветру, букву г над колодцем,
букву с в тёмной мгле, освещённую солнцем.
безусловно умру, стопроцентно покину,
поднимая глаза всё в какую-то спину.
горизонт проведёт топором по пригорку,
вдруг захочешь сказать, а получится долго.
тело вторит земле даже в малых масштабах,
кабы время без нас не могло бы и дня бы...
в каталоге берёз выбирая потолще,
я ложусь на тенёк с каждым разом всё дольше.

credo в credit

*я верю — гоголь будет, я верю — гоголь есть,
пока такие тройки и птицы в небе есть!*

друзья, я умер! дети, садитесь, пейте чай!
вы любите печенье, а значит, и — печаль.
да здравствует тревога и общий разговор,
людей так очень много, что даже перебор.
рассматривай худое строение лица,
копи своё сомнение сугробом у крыльца.
пусть жизнь звучит как сплетня у памяти во рту,
люби свою чужбину, храни свою версту.
услышь глухое пенье сверхэнергичной мглы,
выходят люди в поле занять свои углы.
построй свою деревню, повесь товарный знак,
студент убил студентку, да, видимо, не так.
собака съела мясо. вся жизнь как чья-то блажь.
чего же ты боишься, когда весь мир так страш?
когда прохожий в голос рифмует слово бог,
меня везите в поле, я чувствую приток.
в остывшей форме тела звенят его черты,
над морем отчужденья качаются мосты,
стандарты мироздания начертаны в сердцах,
приполз мужик наутро на согнутых словах.
через четыре года здесь будет мор и глад,
по марсу ходит робот и просится назад.
в обнимку и в охалку, вприсядку и впритык
жил-был мужик и баба, остался лишь мужик.
построенному верить, отрезанному жить,
рабы смещают брови, посасывая нить.
мы вымерли как звери, и лес стоит пустой,
глядит берёза в корень, как в горизонт чужой.
когда холодный палец тебе влезает в рот,
ты сразу понимаешь, о чём молчит народ.

незнание законов нас не освободит,
пожизненное солнце имеет хмурый вид.
и мы глядим, как дети глядят на нас, как мы
глядели на глядевших, глядящих из тюрьмы.
пусть память агрессивна, как перегретый квас,
расширь свои владенья за счёт немногих нас.
всеядное сознание обжелось лебеды,
венчайся робот божий с андроидом судьбы!

необязательное

посчитай гостей, собака,
тапки вынеси и чай.
милый облик человеческий
генерится через край.
почеши за ухом, лапа,
завиляй и упади.
развлечённость человека
обернётся, погоди.
лезь ко всем, хвостами трогай
развалившийся народ.
напряжение человека
прорывается сквозь рот.

обходительно заметна,
деспотически верна,
словно зеркало, бездетна,
сердце ростом со слона.

* * *

пропал. прополка завершила
круговорот меня в природе,
хвостом морковным разрушаясь,
завяну в солнечной погоде.
оркестр двух рук устроит рубку
корней оранжевых на тёрку,
меня обрящут злые куры
и погрузятся клювом в холку.
животных мало, много — живших,
совсем уж мало доживущих,
стреляют улы ворчунами,
грустит комар, из недр берущий.
живое кружево растений,
взрослений, набуханий, зрений,
летаний, паданий, забвений,
лежаний, засыпаний, тлений.
всё хорошо, но всё же мало
того, что с нами может стать.
траве другие травы сняться,
и пёс в траве как одеяло
лежит и пробует остаться.

* * *

когда погасли фары,
а двигатель идёт
передней осью в землю —
слеза, на самолёт
садись, солёна мама,
неси сухую весть,
единственную форму
имеет слово *есть*.
склони своё былое
к вечернему столу
и прорычи: простите,
я, кажется, умру.
в тревоге не поверят,
в запале не поймут,
в берлоге спят медведи
и нас во сне жуют.
в пакет хрустящей кожи
наложено костей,
входите, мои гости,
садитесь на гостей,
на голые колени,
на тюфяки с пупком,
пришло такое время,
что каждый всем знаком.
в неподтверждённых дебрях
висит пустой сундук.
— как звать тебя, владимир? —
спросил лису барсук. —

я полосат как компас,
я носом наперёд
расслышал нефть и воды
и выстроил завод. —
стучатся барсучата
в заслонки бытия.
— ты чья, моя лисичка?
ведь шуба — не твоя. —
пылящие заводы
кривят свои дымы,
и мы, что были звери,
теперь уже не мы.
да здравствует свобода,
всеядная, как дым!
и старая коряга
кивает молодым.

поставь тугую точку,
взрасти себе коня,
и обернись с улыбкой
кривой, как у меня.

* * *

сквозь тишины арахисовый магнум
в трёхногой пятилетке бытия
накатывают кадры удивлений,
вглубь памяти уходят якоря.
вскружи, вагон, колёса золотые,
я обнаружу дочь в ложбине сна.
спасибо, боже, дело твоё в моде:
по божьему велению сама
собой, с самим собой вращаясь,
до времени в варении живёт.
на полароид выцветшая память
направит бородатый самолёт.

* * *

в непредсказуемый скворечник не залетает воробей,
земляне *даже хотят в космос*, чтоб размножиться посильней.
здесь человечество ютится в опустошающей печи,
где тело бережно варится и обращается в харчи.
из яркой топки мироздания слеза бесстрастных дискотек
выходит чёрной точкой пота и закрывает скобки век.
пустеет космос, тает время, глаза скользят по пустоте,
сгорает спутник человека, бросая друга в суете.
мрачнеет лес, хромают кони, мир дёрнул лапкой и затих,
необходимости отпали, земля не выдержит двоих.
смотри, как голубь стразокрылый черпает крыльями траву,
и это происходит долго, и в этом доме я живу.

я вышел медленной походкой, когда синели небеса,
и друга встретил по дороге и прожил лишних полчаса.

* * *

ничего не уметь,
никуда не спешить,
только лазать в пруду
и в себя приходить
и, в пустой голове
обрывая слова,
говорить: ничего,
разве только едва.
здесь стоит как родной
чёткий почерк небес,
и упавшая ель
возвращается в лес,
и синицы висят,
и, иглою проткнут,
рыболовный пузырь
опускается в пруд, —
через мост убежать
в заманиловский край,
ты не знаешь меня:
ты проспал этот май.
открывается дверь,
входит парочка мух,
я, по-моему, жив,
но, наверное, — слух.

предвидение

продам и офис, и квартиру, и ковыряние в носу,
и голубую перспективу и, может, что-нибудь спасу.
исчадье дней, и копоть ночи, и Птолемеевы шары,
вращенье, сутолока сгинут, проступят лучшие миры,

в которых метром управляет сантиметровойй господин,
в которых можно не уютиться, а лезть на руки, словно сын.
где жизнь моя? кто опрокинул слова? чем мы теперь живём?
вот кратер дней, и не покинуть полонием прожжённый дом.

я был другой, земля лежала как бы прекрасное лицо,
в котором давнее начало, не предвещавшее концов,
смотрело ввысь, где плыло солнце в своей межгелиевой мгле,
метеоритные метели чесали щёки темноте.

то был лишь миг на фоне смерти, но миг начальный и живой.
куда ты делось, время оно? кому ты светишь, мир иной?
верни меня, я буду помнить тебя до судорог в тиши,
ты мне напишешь своё слово? попробуй, слышишь? напиши!

я буду здесь, я твой любовник, я твой упрямый проводник,
и там, где все берут поглубже, я охраняю твой родник.
чужак приходит и уходит, а голос крепнет и молчит,
никак не вспомню поворота, где разлучились? что болит?

кто был ничем, тот кем-то станет — я всё стерплю, перенесу,
когда же ты обратно грянешь? к какому дню себя пасу?
нет сил, нет воли, только тело, в исподней пыли замерев,
я пережду тебя в неволе, твой гимн в уме беря враспев.

прости, я жил как бы скотина, как мелкий мелочный урод,
но если есть иное время, оно вольётся в этот рот.
вздымайся, память, в стратосферу, к своим устойчивым чертам,
где золотое рассечение раскроет тело пополам.

прощенья нет, есть возвращенье, есть нота да и нота нет,
и, неустанно наклоняясь, стоит над нами отчий свет,
и я там был, и снова буду, и окунусь из речки в лес,
из инородного пространства я просыпаюсь, я исчез.

* * *

когда бы судьба могла
подать голосок из угла,
когда б основатель небес
мне облаком в сердце исчез,
когда б накопившийся чан
немых обитателей стран
открыл обобщения дверь
и выпустил стадо свиней
из диких помоев души
(когда ты проснёшься — скажи),
и, высвечен новой звездой,
народ себе хлопал рукой,
и песня, которая нет,
как птица, летела в ответ
(в пещере иных перспектив
находится мой негатив),
и ветер гудящих полей,
и всадник его — воробей,
и бабочка — ангел его,
и целая сумма всего
навсегда была не разбита,
как атомы алфавита.

abstract

i mean you know what i mean:
не забирай меня отсюда,
не оставляй меня другим,
не превращай меня в посуду.
i mean you know what i mean:
не покидай меня седым,
не прекращай писать словарь,
не береги свои потери,
не опрокидывай столы,
не кушай простыни в постели,
не забывай меня в лесу,
не обрывай на полуслове,
i mean you know: волк в неволе
не превращается в лису.

и в этом сумраке чужом
располагается наш дом.

собака, ждущая кончины,
не завершает писанины.

i mean you know what i mean:
не оставляй меня одним.

СОМ — не/ни я

У животных нет названья:
Кто им зваться повелел?

Н. Заболоцкий

описание речки равно погружению в речь,
отпусти своё слово: однажды его не сберечь,
не поднять настроенье однажды легко, как бокал,
эти ноги минутные навеки вросли в пьедестал.
за вращением глаз, за раскладом грядущих завес
холодеет идиллия и теряет сознание вес,
нерастроченный мечется солнцем охваченный день,
вроде светел и юн, а за пазухой — камни и тень.
не успеешь устроиться, как вычеркнут имя из книг.
что ты знаешь о вечности? что ты скажешь старухе, старик?
о ребёнке заплачь, о горячем его языке,
что любые сомнения утоляет в родном молоке,
сверхмассивное слово нисходит невинное с уст,
начинается космос с названий созвездий и чувств.
ожидающий бурю тихо сеет свои ветерки,
снова день начинается с превосходной восходной строки,
описание бессмысленно: просто плеск, просто блеск, просто визг,
просто червь светлой радости мне всю голову с сердцем изгрыз.

Содержание

«надежда ты, надежда, занесена, подснежна...»	5
«пусть ветер воет, как собака...»	6
копия жития	7
«здесь на неправильной дорожке...»	9
«за кодировкой данного лица...»	10
единственное плавание	11
по папе — по рапе	12
«как будто был и снова буду...»	13
«есть способ масс...»	14
юрец-холодец	15
В. А. М.	18
продолжается прогулка	22
«и вдруг теряешь своё качество...»	24
«большое небо продвигалось...»	25
deus ex мякина	26
минус один	28
«столы стоят, качели гнутся...»	30
свидетельство	32
конец истории	35
веще	36
аврора приговора	38
«за морозящим стеклом этажа...»	39
«кто выл? где вол? жизнь пестротечна...»	40
«не познать узнаваемость...»	41
прощение	42
джанхот	43
после прятков	45
рама рыла маму	46
credo в credit	48
необязательное	50
«пропал. прополка завершила...»	51

«когда погасли фары...»	52
«сквозь тишины арахисовый магнум...»	54
«в непредсказуемый скворечник...»	55
«ничего не уметь...»	56
предвидение	57
«когда бы судьба могла...»	59
abstract	60
сом — не/ни я	61

Павел Лукьянов. Turistia
e-mail: pavel@1977.ru

редактор:
А. Переверзин

художник:
С. Труханов

корректор, технический редактор:
О. Тузова

На передней стороне обложки — Martin Bigum, «Vision&Fact» (oil on canvas, 30x30 cm, 2005, private collection, Denmark); на задней стороне обложки — Martin Bigum, «Vision» (oil on canvas, 10x20 cm, 2005, private collection, Denmark).

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 20.11.2015.
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 4.
Тираж 700 экз.

The image is a full-page abstract painting. The top half is dominated by a dense, chaotic arrangement of overlapping, angular shapes in various colors including blue, yellow, red, brown, and grey, creating a sense of depth and movement. Below this, a white space contains several lines of Russian text. The bottom half of the image shows a landscape rendered in a similar fragmented, painterly style, with earthy tones of brown, tan, and green, suggesting a field or a rural scene with some structures or trees in the distance.

я хочу говорить без бумаги

месяц спит в голубой колымаге
коротит двести двадцать рассвет
я привит своим детством от бед
скоро мама накроет обед
скоро дочка подскажет ответ

хорошо что есть там где нас нет